

Прошлой ночью он лег спать с открытыми окнами после того, как доктор за ужином сказал, что в его возрасте может прикончить даже мелкая инфекция. Наутро он проснулся под трепет занавесок и холодный ветерок, проникавший с моря во французские окна, и обнаружил, что еще жив. Откинул одеяло, сел в постели голым и созерцал облака, сложив руки под затылком и размышляя об увиденном сне. Он проспал четыре часа — редкое достижение при его бессоннице, когда ночи — это сплошная пытка; но от сна не было никакого толку. Ему снилось, что он мальчишка в Измире и впервые видит мертвеца — корабельного стюарда, зарезанного в драке; тот плыл лицом вверх в грязной воде. Во сне Марко Тимолеон стоял в полосатой пижаме на набережной и смотрел, как течение уносит моряка в море, где рыбе не терпелось выесть его глаза. А самое странное — мертвец махал ему на прощание.

Марко истово верил в сны и другие знамения, при этом верил и в Бога, но Ему подчинялся с меньшей охотой. Он регулярно совещался с астрологами, хиромантами и медиумами, что держал в секрете от врагов и многих друзей, и считал свое чутье одной из последних неисследованных наук — примерно как прогноз погоды. Не подписывал договоры тринадцатого числа, не допускал в своих домах кошек под предлогом аллергии, бросал соль за плечо, чтобы отвести дьявола. А еще боялся быть погребенным заживо, впервые прочитав об этом у Плутарха в описании казней девственниц-весталок, которые нарушали обет целомудрия

в древнеримские времена, а потом — в статье о Фоме Кемпийском.

И вот что самое любопытное: Марко Тимолеон ни разу еще не видел снов о смерти или воде — до тех пор его сны были незамысловатыми воспоминаниями. А память у него была цепкая, особенно на мелочи. Когда снились женщины, он вспоминал во сне цвет их волос, родимые пятна, аромат духов. Когда снились машины, он вспоминал их номера. Когда снилось место, где он бывал больше пятидесяти лет назад, он мог описать его вплоть до мельчайших подробностей. Более того, как бы крепко он ни спал, мог проснуться когда угодно по желанию — чем и пользовался, чтобы сбежать от грустных или страшных снов. И все-таки этот досмотрел до конца, потому что махавший ему мертвец не опечалил его и не напугал, а даже заинтересовал. Марко Тимолеон пытался истолковать сон сам, но без толку. В конце концов он отмахнулся от ужасов, которые сулило воображение, и попросту признал правоту доктора: не стоит ему спать с открытыми окнами.

Марко Тимолеон был намного ниже, чем ожидали те, кто видел его только на фотографиях. И покрывал его не просто загар, а настоящий синяк от солнца, усеянный мелкими пигментными пятнами, словно лишайником. Он был хорошим пловцом, и, несмотря на возраст и вес, кожа была на нем натянута, как корсет. Когда ему перевалило за семьдесят, он перестал красить волосы — всегда считал эту привычку отчасти недостойной, но в то же время необходимой. В эти дни самой заметной его чертой были обвисшие мешки под глазами, вечно придававшие ему такой вид, словно он вот-вот разрыдается.

Он родился под знаком Льва уже семьдесят два года назад, но еще находился в ясном уме и здоровом теле,

не считая непрерывного кашля, вызванного курением, и недавней импотенции. От последней он перепробовал гомеопатию, акупунктуру и гипноз, но тут не помогла ни человеческая, ни природная магия. Оставалось лишь малопомалу смириться с завершением привычки, зародившейся в возрасте четырнадцати лет, в борделях Измира, и продолжавшейся до тех пор, когда он заявил с гордостью: Марко Тимолеон вкусил все, что только могут предложить жизнь и воображение, — среди прочего он был и с женщиной.

Стоял конец августа. Он прибыл на свой частный остров в одиннадцать морских милях от средиземноморского побережья неделей ранее, после короткого путешествия из Монте-Карло на личной яхте класса люкс*. Обычно он легко переносил бурное море, но в этот раз ему стало плохо. Гордость не позволила принимать таблетки, и оправиться он пытался, бродя по палубе, невзирая на ненастье, пока капитан не запретил ему выходить из страха, что Марко поглотят волны. Он возмущался, но в конце концов уступил и остаток пути провел в личной каюте и в баре, где пытался развеять алкоголем ту гнетущую тень, что легла на его настроение.

О предстоящих часах Марко Тимолеон думал без восторга. Он позаботился о каждой мелочи мероприятия,

* Роман частично основан на истории жизни Аристотеля Онассиса (1906–1975), судоходного магната греческого происхождения, одного из богатейших людей своего времени. Он действительно владел островом Скорпиос (сейчас арендован российским миллиардером вместе с другими островами, там планируется курорт класса ультралюкс), и на этом острове Онассис построил церковь Святой Девы Марии. Также Онассис владел стометровой суперяхтой «Кристина О» (названа в честь его дочери), переделанной по его вкусу из военного корабля, который участвовал во Второй мировой. — *Здесь и далее прим. пер.*

словно день рождения его дочери и в самом деле мог считаться поводом для праздника. Завтра Софии исполнится двадцать пять. Он уже давно и думать забыл справлять свой день рождения или посещать праздники детей и жены, чтобы не позориться своим старческим видом на людях, но сегодня сделал исключение, чтобы устроить большую пирушку на личном острове.

Его вилла — трехэтажный дом с черепичной крышей, стенами в штукатурке персикового оттенка и широкими балконами — стояла среди деревьев на крутом склоне, над зелеными водами неглубокой бухты. Верхние два этажа вмещали одиннадцать спален, несколько гостиных и столовую, а на первом находился огромный бальный зал с черным лакированным роялем и тремя люстрами венецианского стекла. Хозяйская спальня располагалась на верхнем этаже и была декорирована без оглядки на траты или вкус. Ее украшением служил мраморный камин, также в комнате было несколько стульев, журнальных столиков и фарфоровых фаз со свежесрезанными розами. Все стены были увешаны зеркалами, алыми шторами и оригинальными картинами в позолоченных рамах. Спасали спальню разве что четыре стеклянные двери, через которые Марко Тимолеон мог наблюдать средиземноморский рассвет, не вставая с кровати, как только открывал глаза. С балкона представал вид на море, сколько видел взгляд.

Он мечтал посадить на своем острове все виды деревьев, упомянутые в Библии, и садовники слушались его указаний беспрекословно: были здесь миндаль и оливки, кедры, сосны, каштаны, фиги, лавр, кипарисы, дубы, пальмы, тополя, акации, ивы и тамариск, а также древо познания добра и зла. Над садами, на вершине холма, высилась каменная церквушка с голубым куполом. Она

посвящалась святому Марку Кипарисскому, и на участке за ней были три могилы под простыми мраморными крестами. Надпись на одном гласила: «Дэниел Тимолеон, 1954–1974». В завещании стареющий магнат уточнил, что желает быть погребенным рядом, оставляя детали похорон душеприказчику.

Он поднялся с постели, вышел голым на балкон и оперся на мраморную балюстраду. Прохладный ветерок бодрил. Разглядывая смутные очертания далекого побережья, он ощутил, как его касается тень сомнений из-за своего плана. В дверь постучали, вошел молодой человек в белой форме со стопкой простыней и полотенец, благоухающих лавандой. Быстро оглядев спальню и ванную, слуга нашел Марко Тимолеона на балконе. Он ничуть не удивился обнаженному виду хозяина: такую привычку тот приобрел в последние годы. Благоухания лаванды хватило, чтобы вернуть Марко Тимолеона из размышлений, и он велел слуге — резким прокуренным голосом, не терпевшим промедлений, — набрать воды в ванну. Молодой слуга вернулся внутрь исполнять его пожелание, прежде чем заправить постель и прибраться. Когда Марко Тимолеон больше не мог выдержать утренний ветер, он отправился в ванную, погрузился в горячую воду и вызвал слугу, чтобы тот потер ему спину щеткой.

Приготовления к празднеству начались задолго до его прибытия на остров, с пристальным вниманием к деталям, чтобы развеять все подозрения. Уже были напечатаны приглашения и разосланы из его парижского представительства гостям по всему свету, заказан в венском «Демеле» трехэтажный торт, выписан за астрономическую сумму оркестр парижского ресторана «Максим» из двадцати одного человека.

Когда слуга закончил тереть ему спину, Марко Тимолеон поднялся и принял душ под кипятком, вытерпев его с ощущением самобичевания. Он успевал умыться и одеться за десять минут — эта привычка коренилась в давней готовности принять любое приглашение, но успех и возраст уже давно приучили его отказываться. Он выключил воду, оберся полотенцем со своими инициалами и присел на крышку унитаза, чтобы перевести дух. Потом ошеломил слугу залпом вопросов о приготовлениях к празднеству. Ответы выслушал с подозрением, каждый встречая новыми вопросами и строго выискивая недостатки там, где их не было, корректируя приказы, отданные только вчера. Закончил он допрос суровым предупреждением: «Не лги мне».

Слуга кивнул и вновь уверил, что к вечеру все готово. Марко Тимолеон этим не удовлетворился. Ему хотелось знать, вылетел ли оркестр, ждет ли музыкантов в аэропорту автобус. Прибавил:

— Проследи, чтобы они отправились напрямиком на остров. Им предстоит репетировать.

Слуга уже сделал все необходимые звонки, но ответил, что немедленно свяжется с аэропортом.

— Им ни к чему проходить таможенно, — сказал Марко Тимолеон. — Скажи тому, кто там главный, что это мои личные гости.

Армия слуг, горничных и поваров угождала каждой его прихоти со смесью преданности и страха. У него была репутация невероятно щедрого человека: он раздавал деньги, если слышал о чьей-то нужде, и всегда на Рождество и Пасху, но мог быть немилосердным и жестоким, словно древний бог. В прошлый раз, когда остров посещали гости, он потребовал, чтобы Оливия неотступно находилась при

нем: не только чтобы положить конец слухам о том, что их брак разваливается, но и чтобы она помогала очаровывать гостей. Оливии Тимолеон как будто была неведома скука. У нее имелось чутье на пожелания людей, она смеялась над их шутками, делала комплименты внешности и уделяла полнейшее внимание, не сводя с них глаз — что когда-то очаровали и Марко Тимолеона в их первую встречу.

Обычно он просыпался среди дня и немедленно надевал очки — без них он терялся в мире призраков и теней. На прикроватном столике его поджидала первая из многих чашка кофе, и ее он выпивал, читая газеты. Он всегда начинал со светской рубрики, интересовавшей его больше всего, и затем переходил к остальному, в том числе рекламе, некрологам и, разумеется, гороскопу. Только тогда он был готов покинуть постель и принять ванну. Одевался он безупречно. Его созревший вкус предписывал уже ставшую фирменной строгую комбинацию черного и белого. Он годами отвергал все другие предложения, шутливо приводя причину выбора: «Я дальтоник».

Не позднее трех часов пополудни он сидел за рабочим столом. Его конторы находились в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, и если потребуется, то он мог быть во всех сразу — этому трюку он не научился у Бога, а освоил его сам с помощью телефонов и телексов. По его пожеланию конторы оформили строго в одном стиле: дубовая обшивка стен и тяжелые, вечно задернутые шторы — он открыл для себя, что полумрак дает преимущество перед посетителями. Посреди каждого кабинета стоял большой стол в стиле Людовика XV, с обтянутой кожей столешницей и изогнутыми ножками. Хотя уже обретали популярность компьютеры, он не пользовался ими сам и работникам не давал: ничуть не доверял электронике в деловых решениях.

До семидесяти он работал двенадцать часов в день, чего все равно не хватало, чтобы успеть все. В случае форс-мажора он легко мог не спать по двое суток, держась лишь благодаря своей страсти к бизнесу и вере в алкоголь. Он пил скотч без меры, что признавал и сам, но при этом подчеркивал, что он не алкоголик — поскольку не пил больше, чем позволял метаболизм. Так или иначе, он выпивал полбутылки на работе, а остаток — потом, в каком-либо ночном клубе, где, как правило, завершал день.

Марко Тимолеон не выходил из кабинета, пока часы не пробьют полночь. У него было семь черных лимузинов «Кадиллак Флитвуд» при шофере, разбросанных по миру: каждый ждал с урчащим двигателем. Он больше не ходил пешком, даже близко. Говорил, будто это для безопасности, но правда скорее заключалась в истончившихся хрящах в коленях. Он брился дважды в день, когда просыпался и еще раз — вечером, опасной бритвой, подаренной отцом задолго до того, как она понадобилась. Этим утром он не торопился с бритвой: медлил, прополаскивая ее под краном, окуная в банку с медицинским спиртом. Когда он вышел из ванной, растирая щеки лосьоном, слуга отбирал для него одежду. Молодой человек помог ему облачиться.

— Торт уже на месте? — спросил Марко Тимолеон.

Слуга вручил ему выбранные штаны и сообщил, что торт на день рождения стоит в холодильнике. Марко Тимолеон отмахнулся от свитера — слишком теплый — и выбрал из гардероба рубашку с короткими рукавами. В белых льняных брюках и черной рубашке он встал перед зеркалом и справился о продуктах.

— Прибудут к обеду, — ответил слуга.

Он поднес туфли, и Марко Тимолеон обулся без носков, после чего попросил обручальное кольцо, которое

несколько месяцев собирало пыль на прикроватном столике. Надел он его медленно — это был жест, исполненный символизма. Закончив утренний туалет, он велел слуге протереть полы в ванной комнате.

— Мы уже должны были привезти все, — повторил он. — По крайней мере, икру.

Ранее в тот же день его самолет вылетел в столицу, чтобы дожидаться его жену в международном аэропорте. Этот гидроплан был последним из двух одинаковых «Пяджо Р-166», и Марко Тимолеон регулярно пользовался им для коротких перелетов в столицу, когда отдыхал на острове, но не летал на нем со времени несчастного случая, в котором год назад погиб Дэниел — его единственный сын и наследник.

Несчастье уничтожило приятный выходной, который Марко Тимолеон проводил на острове с очередной любовницей; вдвое моложе его — это как будто был возраст всех девушек, встреченных им в последнее время. Эту он заметил в кафе в аэропорту во время короткой остановки в долгой деловой поездке. Она, в зеленом платье-рубашке, читала журнал, но в то же время словно не упускала ничего, что происходит вокруг. Позже Марко Тимолеон настаивал, что это она соблазнила его.

Что было для него обычным делом. Всю свою жизнь он стремился избежать не репутации плейбоя, которой гордился, но обвинений в том, что ранил всех своих близких. Он твердил, будто страдает не от сатириза, эгоизма, жестокости, а от кое-чего похуже — одиночества. А поскольку ему казалось, что одиночество невозможно навлечь на себя самому, он никак не мог быть виноватым.

Он откладывал вылет, пока наконец не уговорил девушку посетить его виллу, — и через несколько дней прибыл

загодя, построил всех слуг и потребовал у них поклясться в молчании на пыльной Библии, которую он нашел в церкви Святого Марка Кипарисского. Велел вести себя вдвое тактичнее, чем обычно, поскольку его посетительница счастлива замужем, но при этом все ее пожелания выполнять как его и заодно попросил переодеться в накрахмаленные ливреи при эполетах с золотыми кисточками, которые в последний раз носили много лет назад, во время посещения высочайшего гостя — пожилого, но еще здравомыслящего сэра Уинстона Черчилля.

Она прибыла в субботу, и он встретил ее на причале, чтобы помочь подняться с ялика после короткой поездки с большой земли. На нем были белая рубашка с подвернутыми рукавами и свободно висящий черный галстук. Волосы — седые, но густые, как у мальчишки, — были зачесаны назад с кремом. Его единственной просьбой было, чтобы она незамедлительно переделась в одежду его жены, чтобы обмануть фотографов, которые могли шпионить с моря или воздуха. На этот счет он не шутил. Незадолго до того над островом несколько раз пролетал воздушный шар, раскрашенный под облако, — день за днем, пока его не сбила охрана. Шар упал в море, и потом еще пришлось спасать трех японских журналистов из сильного течения, не то они бы утонули.

Когда гостя вернулась — в длинных брюках, шелковом головном платке и больших темных очках, — Марко устроил экскурсию по острову, ослепляя ее красотами садов и разнообразием деревьев, где вили гнезда певчие птицы. Еще больше она удивилась ферме, где скот слушал оркестровые серенады, чтобы сохранять спокойствие и производительность.

День был прекрасный, море — гладкое, как зеркало, но Марко Тимолеон мигом раскрыл обман за гулом цикад:

приближалась буря. Он видел медленную смену красок горизонта, тучи над большой землей, чувствовал, как поднимается ветер, но это не казалось ему дурным знаком. «Завтра будет шторм, — с удовольствием предсказал он. — Тебе понравится». И затем повел за руку по узким тропинкам в оливковую рощу, где они лежали на ковре листьев и раздевали друг друга без спешки, без возбуждения, но с неприужденностью двух людей, что раздевались на глазах незнакомца уже много раз. Ничто не предвещало, что Марко Тимолеон займется любовью в последний раз в жизни.

Потом они сидели на веранде виллы, пили кофе со сладостями. К обеду он проводил гостью к столу, накрытому среди розовых кустов, чтобы поесть в стороне от глаз его слуг. Он сам ее обслуживал, наливал вино и настаивал, чтобы она попробовала все, что наготовил его повар: рис с шафраном, морепродукты, разные салаты и семь перелетных перепелов, так и не добравшихся до Африки. За едой Марко Тимолеон очаровывал гостью выдуманными историями из своей жизни, которые пересказывались так часто, что в них начал верить он сам. Закончился обед бокалом десертного вина и его любимым приемом соблазнения — золотым браслетом с ее именем в подарок. Вечером, когда похолодало, они танцевали в большом и пустом бальном зале под музыку граммофона, позаимствованного у слуг.

В воскресенье солнце не вышло, температура резко упала. В середине дня сверкнула молния и хлынул дождь. Марко Тимолеон пытался раскрыть старый зонтик в коридоре, как тут зазвонил телефон. Его личный пилот сообщил, что его сын вылетел к острову на «Пьяджо». Марко Тимолеон пытался связаться с сыном по рации. После многих попыток это удалось, и он приказывал, угрожал, в конце концов, умолял Дэниела, чтобы тот повернул перед

надвигающимся штормом. И всякий раз получал краткий и решительный ответ: «Нет».

Дэниел Тимолеон любил самолеты с раннего детства и мечтал стать профессиональным пилотом, но близорукость обрекла его на любительский статус. Как только он дорос, поступил в летное училище и с легкостью сдал экзамены по навигации, правилам полета, метеорологии и общим знаниям, провел пробный полет — и уговорил отца подкупить врачей на медкомиссии. В итоге он получил студенческие права, разрешавшие полеты с опытным инструктором, но это не умерило его страсть. Марко Тимолеон сдался и разрешил сыну летать в одиночку, если тот будет следовать единственному правилу: никогда не подниматься в воздух по ночам или в непогоду. В день несчастного случая Дэниел Тимолеон нарушил это обещание.

Марко Тимолеон отправился ждать самолет на вершине холма, у церкви Святого Марка Кипарисского. Там он стоял в одиночестве под зонтиком, пока вокруг гремел гром и усиливался ливень. Гостью он отправил прочь, не раскрыв ей правды, — сказал только, что ей лучше уезжать без промедлений, поскольку море скоро будет слишком бурным для ялика. С холма он наблюдал, как лодочка отважно пробивается через волны к большой земле. Внезапный порыв ветра вырвал у него зонтик, раскрыв хлещущему ливню, и слечь бы ему с пневмонией, если бы слуга не принес одеяло. И все равно Марко Тимолеон отказывался уходить в укрытие и оставался все там же, дожидаясь, когда самолет покажется из-за туч.

И наконец тот появился. При виде белого «Пьяджо», летящего прямо, несмотря на силу ветра, Марко Тимолеон чуть успокоился. Он воображал, как маленький гидроплан швыряет шторм, но теперь вот он: то в туче,

то выныривает вновь, медленно опускаясь для приземления на воде. «Помоги ему Бог, — пошутил он, — чтобы я убил его сам». Он отбросил промокшее до нитки одеяло и спустился по тропинке к пляжу, но не успел подойти к причалу, как его радость обратилась в ужас. Стоило гидроплану коснуться воды, как его толкнул поперечный ветер. «Пьяджо» накренился, коснулся кончиком крыла воды — не так быстро, но все-таки достаточно, чтобы гидроплан опрокинулся.

Дэниел Тимолеон погиб мгновенно. Этот меланхоличный мальчишка с бледной кожей, постоянно быстро устававший из-за нехватки красных телец в крови, вырос в отстраненного мужчину с загадочным лицом и шепчущим голосом библиотекаря. В присутствии отца он почти не раскрывал рта, вечно курил сигареты с золотым фильтром дорогой марки и почти все время либо корпел над самолетом, который его и убьет, либо гонял на своей спортивной машине. Два года подряд, с восемнадцатилетия и до смерти, он не выходил из списков самых завидных женихов по версии любого журнала — нежелательная почесть, только укрепившая его равнодушие к славе. Он вел себя скрытно даже с отцом, нередко считавшим, будто его сын за границей, когда на самом деле тот сидел у себя в комнате, читал журналы об автомобилях и авиации, затерявшись в тумане сигаретного дыма, которому некуда было выйти из-за закрытых окон, и слушал Rolling Stones.

Дэниел Тимолеон пожалел бы о своей смерти хотя бы из-за того, какое она привлекла к нему внимание. Но его жизнь всегда была омрачена тенью смерти — неуловимым, но все же неизбывным ощущением, из-за которого несчастный случай показался исполнением пророчества. Это не уняло чувства отчаяния или вины Марко Тимолеона,

ведь он, подобно Еврипиду, верил, что боги заставляют детей расплачиваться за грехи отцов.

Марко Тимолеон стоял перед зеркалом в позолоченной раме и причесывался. Было еще рано. Большинство гостей придут на личных яхтах, вышедших несколькими днями ранее из разных средиземноморских портов, отчего празднование дня рождения становилось завершением идеального летнего круиза. Маленькая марина, где они пришвартовались, была пуста, не считая резиновой шлюпки с яхты Марко Тимолеона. Сама яхта, слишком широкая для марины, стояла на приколе в устье бухты. Глядя в окно на ее изящный белый силуэт, ее реющий на ветру либерийский флаг и желтую трубу, Марко Тимолеон боролся с искушением отплыть прочь, лишь бы не пришлось встречать гостей и свою дочь.

Эта его головная боль началась несколько недель назад, и уже пришло время действовать, не то станет поздно. Еще задолго до гибели сына он просил частного сыщика следить за Софией днем и ночью, куда бы она ни отправилась в мире, и докладывать обо всем ему. Раз в неделю Марко Тимолеон отпускал секретаря, запирался у себя в кабинете, снимал трубку с телефона и пролистывал его очередные отчеты. Изобличали они только то, что его родная дочь для него — великая загадка. Она была первенцем, рожденным на свет его первой женой, когда он ту еще любил, и с тех пор у него была четверть века, чтобы узнать Софию поближе, — но он упустил все шансы. Тремя месяцами ранее сыщик приехал к Марко Тимолеону лично. Новости были так важны, что не могли ждать: София беременна. Частный сыщик видел, как она ходит к врачу, и в тот же вечер подслушал ее телефонный разговор с отцом ребенка. Перед

Марко Тимолеоном появился пленочный диктофон. Он слушал, барабанил пальцами по столу.

— Это неприемлемо, — объявил он.

София понятия не имела, что ее отец планирует в день рождения уговорить ее избавиться от ребенка. И пришла бы в еще больший ужас, если бы узнала, что он уже пригласил на остров доктора Патрикиоса, своего личного врача, и послал за всем необходимым медицинским оборудованием. Затем втайне переделал одну комнату для гостей в операционную, ключ от которой носил с собой в кармане. Личный врач согласился провести аборт, но только если София согласится по своей воле.

Когда слуга закончил мыть ванную, Марко Тимoleon попросил сделать себе виски с содовой. Закурил сигару и принялся мерить комнату шагами. На полу стояла стопка книг из его собрания античной философии — книги дарили ему удовольствие, сколько бы он их ни перечитывал. Собственно, никакие другие он и не читал. Их опаленные страницы и обложки, еще пахнущие дымом, пережили Великий пожар в Измире* на полках библиотеки его отца, железнодорожного инженера, торговца табаком и ученого-любителя, который пропал до войны. Марко Тимoleon попивал виски и попыхивал сигарой.

— Скажите доктору подняться ко мне, — сказал он.

* Имеется в виду Великий пожар в Смирне (прежнее название Измира), или Резня в Смирне, когда в 1922 году турецкие войска, войдя в город, зверски убивали греков и армян, а также устроили пожар в армянском квартале, от которого пострадала христианская часть города. В ходе резни и пожара погибло до 100 тысяч человек. Это событие связано с геноцидом греков и армян от рук Турции в начале века, который до сих пор вызывает ожесточенные политические дискуссии. Также это одна из причин массовой эмиграции греков и армян в США.

Оставшись в одиночестве, он взял книгу наудачу — ею оказалось «Государство» Платона. Он пробежал глазами несколько страниц, помеченных красными чернилами, но никак не мог сосредоточиться. Мертвец из сна так и не оставил его мыслей: в форме стюарда с начищенными пуговицами, стоячим воротником, большим кровавым пятном на груди. Возможно, он еще не видел насильственной смерти во сне, но видел в жизни, и была она не зловещей, но все-таки страшной, — падение «Пьяджо». В дверь постучались, и он встал, чтобы впустить Сорайю. Афганская борзая вошла, виляя хвостом, и проводила его обратно к креслу. Марко Тимолеон сел и взял книгу.

За годы он сменил несколько собак. То, что первая жена, Миранда, не разделяла его любви к ним, было не самой большой трудностью их брака. Собаки всегда наполняли его одиночество если не любовью, то хотя бы движением. Самым памятным спутником был Цезарь, большой ротвейлер, подарок от его работников на свадьбу — безмятежный пацифист, павший жертвой репутации его породы. Жена потребовала избавиться от пса, как только родила Софию, боялась, что тот нападет на ребенка или заразит редкой болезнью. Марко Тимолеон пытался ее разубедить, но в конце концов ему пришлось смириться и отправить пса с острова на ферму на большой земле. Но он так и не забыл Цезаря. До конца его жизни Марко добирался яликом и машиной до фермы, чтобы покормить и приласкать пса в изгнании.

Сорайю он купил за год до смерти первой жены. Эта высокая афганская борзая, с узкой черной головой на длинной шее и густым мехом, невозбранно блуждала по острову, где ей позволялось гонять скот, топтать клумбы, грызть мебель — и все это к отчаянию слуг, пока хозяин наблюдал

с гордостью. Она отказывалась выполнять трюки, как бы ее ни старались приучить слуги, и оттого все полагали ее глухой. Она избегала людей, особенно гостей, и до недавнего времени не допускалась в спальню Марко. Словно в отместку, она пропадала всякий раз, как он хотел выйти с ней на прогулку. Они встречались в его кабинете, когда он отправлялся читать. Стоило ей увидеть включенный свет, как она поднималась и тихо ложилась на коврик у камина, где Марко Тимoleon сидел с книгой и сигарой, разливавшей свой аромат в воздухе. После смерти сына, когда он стал чаще бывать на острове, Марко Тимoleon наконец допустил ее и в спальню — и вот тогда собака стала выходить на послеобеденные прогулки. Они задерживались у церкви Святого Марка, чтобы положить свежие цветы на могилу Дэниела, продолжали путь по узким тропинкам в густой зелени и возвращались на виллу только много времени спустя, целиком обойдя остров.

Наконец Марко Тимoleon оставил попытки читать и вышел на балкон. Сорайя потянулась, зевнула и последовала за ним. Глядя, как слуги поливают цветы, Марко подумал, не устроить ли заплыв до прилета «Пьяджо», но передумал: быть может, после обеда в воде будет не так холодно. Он созерцал море остекленевшим взглядом, как тут услышал голос:

— Вижу, еще живой.

Он оглянулся.

— Очко в мою пользу, доктор, — ответил Марко.

Тот вышел к нему на балкон.

— Ты оказался прав. Но не бери это в привычку. Сквозняки каждый год убивают больше людей, чем табак, — пошутил Патрикиос. — А тебе, конечно, угрожает и то и другое.

Это был высокий человек, старше Марко Тимолеона, но здоровее. В его возрасте, когда вредной привычкой становились сами еда и питье, он отказался от красного мяса, перейдя на рыбу и бобовые, и не пил алкоголь. Его это не смущало. В отличие от своего друга, он сносил бремя возраста не с жалобами, а с облегчением; для него телесность всегда была в тягость. В мире с собой, он без переживаний говорил, что ждет деменции, которую называл «вторым детством».

Среди немногого, объединявшего Марко Тимолеона и доктора, был родной язык. Аристид Патрикиос был человеком науки. Он изучал медицину с планами на дальнейшую карьеру в науке, но победил идеализм — и он проработал много лет в Южной Америке, прежде чем перебраться в Нью-Йорк ради легкой жизни. Несмотря на почтенный возраст, доктор все еще принимал пациентов два вечера в неделю. Он приговаривал: «Я приношу своим пациентам облегчение не своими умениями, а знанием, что умру раньше них». Специализировался на хирургии и за годы в самых удаленных уголках мира обрел широкий диапазон умений — от операций на головном мозге до починки джибов.

Он не позволил преданности науке помешать своей любви к культуре. Доктор Патрикиос состоял в советах попечителей нескольких музеев и галерей по всему свету, был завсегдатаем на открытиях выставок, королевских балах и классических концертах. Много лет назад он познакомил Марко Тимолеона с оперой — и своей величайшей неудачей считал, что не смог вдобавок заразить своей страстью к ней. Ничто не приносило ему такого счастья, как обходить музей, разглядывая артефакты былых времен, прислушиваясь к стуку своих каблучков по начищенному полу и речам

мертвых о забытой славе — к другому миру за паутиной, уже поджидающему его.

Впервые они встретились больше пятидесяти лет назад в Иностранном клубе в Буэнос-Айресе, куда Марко Тимолеон вступил по поддельным рекомендациям. Доктора в его вечном бежевом костюме можно было видеть в бильярдной или в садах, где он прогуливался в одиночестве, избегая остальных, чем заслужил репутацию сноба. Правда была не так страшна: в то время он был в предтуберкулезном состоянии и не желал заразить других.

— Ты уже успел ознакомиться с помещением?

Марко Тимолеон позвал доктора за собой, в гостевое крыло в конце коридора. У одной из дверей он достал ключ и отпер ее, впустил первым доктора и запер за ними. Посреди комнаты стоял операционный стол с опорами для ног, а рядом медицинская электроника, монитор и пластиковые трубки. На потолке висели мощные лампы. Здесь же имелись автоклав, металлический стол на колесиках, пара стульев и стеклянный шкаф с лекарствами и хирургическими инструментами.

— Ну что?

Доктор Патрикиос обошел комнату с руками в карманах.

— Все на месте, — сказал он.

Марко Тимолеон довольно кивнул.

— Анестезиолог, медсестра? — спросил доктор.

— Будут сегодня. Еще одна пара, приглашенная на праздник.

Они вышли из комнаты, снова заперли дверь и вернулись в хозяйскую спальню, где доктор отказался от предложенного виски с содовой. Он наблюдал, как хозяин смешивает напиток себе и вливает в него недопитый остаток в стакане.

— Всегда есть время передумать, — сказал доктор Патрикиос.

Передумывать Марко Тимолеон был не готов. Прошлым вечером они поругались на почве этики. Доктор Патрикиос был стойким защитником нравственной необходимости аборта, в котором видел неприятное, но важное проявление свободы воли; однако он сомневался, что в данном случае речь идет о ней.

— Я всегда могу найти кого-нибудь еще, — сказал Марко Тимолеон.

Доктор был уязвлен:

— Нет. Я согласен. Но только потому, что люблю Софию и не желаю, чтобы она легла под нож шарлатана.

Он был одним из редких людей, которые знали о суеверности Марко Тимолеона, часто толкавшей его в руки целителей и чудотворцев, и именно доктору потом приходилось применять все свои знания, чтобы обратить вспять ущерб, причиненный его пациенту. Какое-то время оба молчали, только наблюдали за морем во французских окнах.

— Я женился на Лукреции Борджиа, — произнес Марко Тимолеон, отпивая виски.

Доктор Патрикиос знал, что Марко и Оливия Тимолеон уже довольно давно живут порознь. Сам он никогда не был женат.

— Не все браки обязательны.

— Я решил с этим покончить, — сказал Марко Тимолеон. — Желаю видеть ее подальше от своей жизни и своего наследства.

Он признался, что его юристы уже приступили к процедуре развода. Но придержали ее, пока он не узнает, сколько времени займет развод, во сколько ему обойдется — и не сможет ли он раньше лишить Оливию наследства.

— Твою дочь такие новости обрадуют, — заметил доктор Патрикиос.

Марко Тимолеон кивнул. Действительно, София всегда считала мачеху аферисткой. Он допил и постучал пальцами по тяжелому стакану.

— Возможно, обвиню ее в измене, — сказал он. — Тогда точно сэкономлю на алиментах.

Должно быть, он шутил, ведь он сам всю жизнь славился своими похождениями. Вопреки всем его усилиям, это было известно и его жене. Доктор Патрикиос поднял голову к небу и сделал более точное предположение:

— Нам повезло. Похоже, сегодня погода будет ясной.

The Société Des Chemins De Fer Ottomans D'Anatolie* была основана для строительства железной дороги, что соединит Босфор с Месопотамией. Виктор Тимолеон, отец Марко, устраивался в компанию еще молодым человеком и даже не задумывался о свадьбе. Не по убеждениям, а потому что верил: на тот момент семья только повредила бы его амбициям. Затем в первой командировке из Стамбула в Анатолию, куда его послали руководить прокладкой железнодорожной ветки, он встретил свою жену — это далеко не единственный случай в его жизни, когда все пошло не по плану.

Проект, отданный ему под полную ответственность, оказался очень трудоемким для младшего инженера, но он только радовался работе — ведь так он мог сбежать от бумажной работы. Как и его сын, Виктор Тимолеон был низкорослым, широкоплечим, с шеей борца и кипучей энергией, которую не могла скрыть даже напускная небрежность, что преследовала его с тех пор, как он написал сборник стихов, для которого так и не нашел издателя. Он одевался с иголки, в строгую одежду, сглаживающую его грубоватый облик: черный сюртук, белая рубашка с широким воротником, черный галстук-бабочка и жилет, серые брюки и цилиндр, делавший его на несколько сантиметров выше. От других мужчин его возраста Виктор отличался волосами, поседевшими еще до тридцати, и бачками,

* CFOA — Османская железнодорожная компания Анатолии (фр.).

которые он упорно отращивал, даже когда они давно вышли из моды.

Спасшись от поэтических мучений, он с нездоровым энтузиазмом нырнул в работу. Засиживался в конторе до поздна, погруженный в дела компании, один среди пустых столов, пустых кульманов, открытых окон, впускавших ночной бриз с Босфора, в обществе одного только ночного сторожа, который заявлялся, когда часы на стене показывали полночь, чтобы уговорить Виктора отложить логарифмическую линейку и отправляться домой. Причиной была не столько страсть к инженерии, сколько всепоглощающий и бесконечный поиск смысла; этот поиск передастся и его сыну.

Примерно в то время Виктор Тимолеон встретился с тем, что станет страстью всей его жизни: чтение и коллекционирование философских трудов — дорогая привычка, изменившая его жизнь, но и грозившая его погубить, пока дело не взяла в свои руки жена. Началом его собрания послужили три тома Аристотеля, перетянутые ленточкой, — подарок на день рождения от коллег. Вечером того дня, когда их вручили, он лег в постель, раскрыл книгу с намерением читать, пока не уснет, но в конце концов прочел все три тома от корки до корки. Наутро он явился на работу с темными кругами под глазами, поставил чемодан и объявил:

— Такие искусства и занятия, которые исполняются за плату, лишают людей необходимого досуга и принижают их*.

Так говорил Аристотель. К обеду Виктор убедил коллег, что человечество спасет философия, а не инженерия

* Аристотель «Политика» (пер. С. Жебелева).

и что всем лучше читать античных мыслителей. К вечеру новости о бунте достигли руководства, вопрос поднимали на совете директоров. На следующий день его попросили явиться к генеральному директору — французскому банкиру, знавшему Аристотеля получше Виктора Тимолеона, и тот поставил молодого инженера на место раз и навсегда:

— По возрасту пользоваться изречениями прилично людям зрелым*.

Тогда Виктор Тимолеон и узнал, что ему доверена ответственность за важное строительство в сельской местности Анатолии, для чего придется подолгу отсутствовать в головной конторе. Он был так же рад оставить бумажную работу позади, как и директора компании — его отъезду. Командировка не заставила его передумать, а, напротив, укрепила интерес к философии, ставшей его оплотом в лунном одиночестве выходных дней. Его собрание быстро прирастало книгами, выписанными по почте. Он читал всегда: с самого пробуждения до отхода ко сну, при дневном свете и при свечке, стоя, сидя и лежа, не замечая мир вокруг. Без его руководства бригады работали вслепую, и линия петляла мимо городов, которые должна была присоединить к железнодорожной сети, проходя взамен через города, не значившиеся в первоначальных планах. Кое-где в ожидании железной дороги заранее возвели грандиозные вокзалы, и кое-какие из них стоят по сей день — заброшенные, ветшающие, ни разу не использовавшиеся. Собственно, на платформе такой развалины в 1974 году, собирая материалы для книги, биограф Марко Тимолеона встретил старика за девяносто, в форме смотрителя CFOA — с фуражкой, флажком

* Аристотель «Риторика» (пер. Н. Платоновой).

и свистком, — который терпеливо дожидался поезда, опоздавшего к тому времени на семьдесят лет.

Виной всему была античная философия. Виктор Тимолеон читал со страстью ученого, пока его заказ не задержался на почте и ему не пришлось в голову нанести визит в школу соседнего городка в надежде позаимствовать несколько книг. Он прибыл среди дня, во время уроков. Та школа для девочек была одноэтажным домиком: желтые стены и грунтовый двор с пальмой посередине — чудесное видение в глазах затерянного в пустыне. По сторонам длинного коридора за сетчатыми дверьми находились классы, и Виктор Тимолеон видел ряды парт и девочек в длинных платьях, которые сидели в тишине и писали мелом на досочках. То же было и в следующем кабинете, и в последующем, и самым странным показалось то, что за классами следили не взрослые, а одна из учениц, сидевшая за учительским столом. В одном из классов он наконец заметил у доски девушку — но лишь на миг, и тут его застал врасплох смотритель, вооруженный шваброй, объявив, что сюда нельзя без разрешения. Затем проводил нарушителя в кабинет директора.

Евгения Павлиди пришла к нему на перемене, пожала руку одновременно гостеприимно и вопросительно. Не успел он представиться, как она объяснила — с разочарованием давнего поражения, — что она не только директор школы, но и заодно, из-за нехватки средств, единственная учительница. Она и сама была бедна. На ней было викторианское траурное платье с высоким воротником, длинными рукавами и рядом пуговиц, этот наряд вкупе с простой самодельной прической и припорошенным мелом лицом придавал ей сходство с монашкой. Виктор Тимолеон поправил свою бабочку и объяснил, зачем приехал.

Она с интересом выслушала его жалобы на уныние работы, одиночество дней и нехватку книг, а когда он договорил, пригласила за собой в школьную библиотеку — каморку с пустыми полками до потолка. Всего Виктор Тимолеон насчитал там пять книг, покрытых пылью, но удержался от соблазна взять сразу все. Он выбрал только одну, сдул пыль и с удовлетворением прочел корешок.

— Вы только что спасли человека от безумия, — сказал он.

Через неделю он явился за новой книгой. То же и на третью неделю, и на четвертую, и всякий раз он пользовался возможностью посидеть на перемене с директором и выпить чаю из фарфорового сервиза, приберегавшегося для визитов местного школьного инспектора. Виктор Тимолеон из вежливости предложил сигарету и с удивлением увидел, что она согласилась: монашка, которая курит, подумал он. К четвертому визиту он уже чувствовал, что его время на исходе. Он взял оставшиеся книги, пролистал обе и выбрал одну, сообщив Евгении то, о чем она и так уже знала: на следующей неделе он придет за последней. Когда тот день настал, она обнаружила Виктора у себя в кабинете, сидящего неподвижно, словно он позировал для портрета, и употевшего в черном сюртуке и цилиндре, еще более непригодных для анатолийской жары, чем ее черное платье.

— Мы словно пара скорбящих без похорон, — легкомысленно произнесла Евгения.

Виктор Тимолеон вскочил на ноги и сорвал с себя цилиндр.

— Я пришел не за Геродотом, — сказал он совершенно серьезно.

Так все и началось. Евгения Павлиди была христианкой, как и он, и такой же чужачкой в округе, как и он. Она